

УДК 821.161.1

**МОТИВ УБИЙСТВА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА**

Тарасова Д.В.

В статье на материале отечественной литературы XIX века раскрывается мотив убийства как важный элемент деструктивной деятельности человека. Предлагается уникальная четырехуровневая система классификация мотива убийства. Проводится комплексный анализ литературного материала в рамках предложенной классификации и обозначенных критериев. В качестве примеров используются литературные произведения российских писателей XIX века: Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, Н.С. Лескова.

Ключевые слова: русская литература, мотив убийства, классификация, анализ, XIX век, психологизм, Гоголь, Пушкин, Достоевский, Толстой, Лермонтов, Лесков.

**THE MOTIVE OF MURDER
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19TH CENTURY**

Tarasova D.V.

The article on the material of the 19th century Russian prose describes the motive of murder as an important element of a destructive human activity. The author presents a unique four-level classification system of motive of murder and conducts a comprehensive analysis of the literary material. The literary works of the Russian writers of the 19th century are used as examples: N.V. Gogol, A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, M.Y. Lermontov, N.S. Leskov.

Keywords: Russian literature, motive of murder, classification, analysis, XIX century, psychologism, Gogol, Pushkin, Dostoevsky, Tolstoy, Lermontov, Leskov.

Мотив убийства является одним из наиболее знаковых как в отечественной, так и в зарубежной литературах. Он встречается в произведениях всех времен: от античности до наших дней.

В настоящей статье рассматривается убийство в литературе как элемент деструктивной деятельности человека. Данный немаловажный аспект даёт ключ к пониманию как локальных, личностных конфликтов, так и глобальных негативных событий, затрагивающих страны и поколения. Изучаемый мотив сложен по своей природе, так как связан сразу с несколькими научными и профессиональными сферами: психологией, медициной, юриспруденцией, криминалистикой, социологией, религией. Одновременно с этим мотив убийства, на наш взгляд, важен и актуален для современного литературоведения, так как его анализ активно влияет на раскрытие психологических граней конкретных персонажей и понимание произведения в целом.

В рамках настоящего исследования мы не только проследим за мотивом преступления на литературном материале произведений русских писателей XIX века, но и предложим классификацию, которая позволит провести комплексный анализ выбранных произведений.

В качестве материала для анализа мы выбрали произведения А.С. Пушкина: «Дубровский», «Моцарт и Сальери», «Евгений Онегин»; Ф.М. Достоевского: «Бесы», «Преступление и наказание»; Л.Н. Толстого: «Война и мир», «Крейцерова соната»; М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», «Маскарад»; Н.В. Гоголя: «Тарас Бульба», «Вечер накануне Ивана Купала»; Н.С. Лескова «Очарованный странник».

Прежде, чем приступить к рассмотрению изучаемого мотива, обозначим важные термины и понятия, которые необходимы для освещения темы статьи.

Мотив – «...минимальный значимый компонент повествования, простейшая составная часть сюжета художественного произведения; второстепенная, дополнительная тема произведения, призванная оттенить или дополнить главную, основную» [17, с. 226].

Персонаж – «...действующее лицо драмы, романа, повести и других художественных произведений» [17, с. 267].

Убийство – «...преступное, умышленное или по неосторожности, лишение жизни» [13, с. 701].

Агрессия – «...мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт» [10, с. 16].

Аффект – «...сильное и относительно кратковременное эмоциональное переживание, сопровождаемое резко выраженными двигательными и висцеральными проявлениями» [10, с. 47].

Эмоции – «...особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями, мотивами и отражающих в форме непосредственного переживания значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [10, с. 561].

Кроме того, важно обозначить рамки нашего исследования. Как уже говорилось, убийство – понятие сложное и многогранное, и некоторые случаи, описанные в литературе, слишком противоречивы, поэтому для четкости исследования они не были включены в качестве материала.

Во-первых, это убийства, связанные с религией и национальными традициями. То деяние, которое по закону признано преступлением, в рамках религии и традиций может быть оправдано внутри того или иного социума, особенно в тех случаях, когда буква закона уходит на второй план. Обычно это актуально у тех видов общества, где принята и имеет большой вес, например, кровная месть, народный суд и казнь. В таких случаях может сложиться ситуация, когда мнения закона и народа касательно одной и той же ситуации кардинально разойдутся.

Во-вторых, неоднозначен вопрос убийства в военное время. На войне убийство одобряется на государственном уровне, а значит, сложно привлечь в данном случае закон как моральный ориентир. Более того, убийство на войне –

необходимость, способ борьбы за государственные цели или защиты Родины. В связи с этической сложностью этой темы мы не рассматривали произведения или отрывки произведений с убийствами, совершенными в военное время.

Теперь, когда мы обозначили границы исследования, приступим к описанию классификации мотива убийства в литературе.

Мотив убийства раскрывается каждым автором по-разному, описывается уникальным, на первый взгляд, образом в каждом произведении. Однако, несмотря на многогранность каждого случая, данный мотив все же поддается своеобразной систематизации.

На основе литературного материала было обозначено четыре уровня классификации мотива убийства: по цели, по психологическому состоянию персонажа, по характеру организации убийства и по результату убийства.

Соответственно, в каждом из уровней были выделены различные виды изучаемого мотива.

По цели мотив убийства подразделяется на виды:

1. Социальный.
2. Идеологический.
3. Политический.
4. Личностный.
5. Управляемый.

Социальный мотив, как правило, обусловлен обстоятельствами, условиями жизни. Элементы данного вида содержатся в романе «Дубровский»: *«Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его»* [15, с. 143], в романе «Преступление и наказание»: *«Поневоле станешь бледный... коли есть нечего»* [4, с. 85] и в повести «Вечер накануне Ивана Купала»: *«Червонцы, дорогие камни, в сундуках, в котлах, грудями были навалены под тем самым местом, где они стояли»* [2, с. 46]. Он может быть связан также с исторически сложившимися традициями, как в «Евгении Онегине»: *«И вот общественное мнение! / Пружина чести, наш кумир! / И вот на чем вертится мир!»* [14, с. 280].

Идеологический мотив имеет в своей основе идею религиозного, философского или иного происхождения (Родион Раскольников): *«Тварь ли я дрожащая или право имею...»* [4, с. 448].

Политический мотив может носить патриотический характер защиты от захватчика, как это было в «Войне и мире» у Пьера Безухова: *«Да, один за всех, я должен совершить или погибнуть!»* [18, с. 354]; или устранения предателя, как в «Бесах»: *«– Да отправить же его, наконец, к черту! – первый крикнул Толкаченко. – И давно бы надо сделать! – злобно ввернул Лямшин...»* [3, с. 479]; или в «Тарасе Бульбе», где отец убивает сына из-за поддержки последнего вражеской стороны, вызванной любовью к полячке: *«Так продать? продать веру? продать своих?»* [2, с. 309].

Личностный может быть вызван завистью (Сальери): *«А ныне – сам скажу – я ныне / Завистник»* [15, с. 443]; враждой (Петр Степанович): *«Известно тоже, что он [Петр Степанович] ненавидел Шатова лично; между ними была когда-то ссора, а Петр Степанович никогда не прощал обиды»* [3, с. 482]; жадной мести (Владимир Дубровский): *«Итак, всё кончено, – сказал он сам себе; – еще утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты»* [16, с. 146]; любовной ревностью (Позднышев и Арбенин): *«Какое мерзкое чувство эта ревность!»* [19, с. 486], *«А за что же / Тебя любить – за то ль, что целый ад / Мне в грудь ты бросила?»* [7, с. 100]; желанием удовлетворить обиду и восстановить честь в дуэли (Печорин): *«Берегись, господин Грушницкий! – говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате. – Со мной этак не шутят. Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка!»* [8, с. 110].

Более редкий, но все же необходимый к выделению вид мотива убийства по цели – это управляемый тип. В данной категории персонаж совершает убийство, повинувшись чужой воле. Собственные интересы персонажа сведены к минимуму. К этому виду мы причислили повесть «Вечер накануне Ивана Купала» с убийством Петрусей маленького Ивася и повесть «Очарованный

странник» с убийством Флягиным цыганки Груши. В тексте видно, что Петруся оказался ведомым ведьмой и Басаврюком: *«Нет, не видать тебе золота, покамест не достанешь крови человеческой!»* – сказала ведьма и подвела к нему дитя лет шести, накрытое белою простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову» [2, с. 46]; а Флягин выполнял просьбу самой Груши: *«Пожалей меня, родной мой, мой миленьый брат; ударь меня раз ножом против сердца»* [9, с. 145].

По психологическому состоянию героя предлагаются следующая классификация:

1. Хладнокровный расчет.
2. Волнение, сомнение.
3. Состояние аффекта.
4. Помешательство, безумие.

Пункты данной классификации расположены в порядке возрастания эмоционального и психологического напряжения.

К первому типу можно отнести поведение Петра Степановича в «Бесах» Ф.М. Достоевского: *«В то, что Шатов донесет, наши все поверили; но в то, что Петр Степанович играет ими как пешками, – тоже верили»* [3, с. 481]; Онегина в «Евгении Онегине»: *«Хладнокровно, / Еще не целя, два врага / Походкой твердой, тихо, ровно / Четыре перешли шага, / Четыре смертные ступени. / Свой пистолет тогда Евгений, / Не преставая наступать, / Стал первый тихо подымать»* [15, с. 287]; Печорина в «Герое нашего времени»: *«Наконец рассвело. Нервы мои успокоились»* [8, с. 111]; Тараса Бульбу в «Тарасе Бульбе»: *«Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью!»* [1, с. 309]; а также Арбенина в «Маскараде»: *«Я сам свершу свой страшный суд... / Я казнь ей отыщу – моя ж пусть будет тут»* [7, с. 89].

Ко второму типу можно отнести поведение Липутина в «Бесах»: *«Всё так, – нетвердо заметил Липутин, – но так как опять... новое приключение в том же роде... то слишком уж поразит умы»* [3, с. 479]; поведение Сальери в «Моцарте и Сальери»: *«Что пользы, если Моцарт будет жив / И новой*

высоты еще достигнет? / Подымет ли он тем искусство? Нет; / Оно падет опять, как он исчезнет» [15, с. 446]; поведение Пьера Безухова в «Войне и мире»: *«он, весь поглощенный предстоящим, мучился, как мучаются люди, упрямо предпринявшие дело невозможное»* [18, с. 383]; поведение Владимира Дубровского в «Дубровском» А.С. Пушкина: *«Нет! нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня»* [16, с. 146]; поведение Флягина из «Очарованного странника»: *«Я от нее в сторону да крещу ее, а сам пчуся...»* [9, с. 145]. Некоторое время испытывает сомнение и герой Гоголя – Петро: *«Остолбенел Петро. Малость, отрезать ни за что ни про что человеку голову, да еще и безвинному ребенку!»* [2, с. 46].

К третьему типу – поведение Позднышева в «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстого: *«Когда люди говорят, что они в припадке бешенства не помнят того, что они делают, – это вздор, неправда. Я все помнил и ни на секунду не переставал помнить»* [19, с. 496].

К четвертому – поведение Родиона Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского: *«Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой»* [4, с. 5]; а также поведение Петро в повести «Вечер на Ивана Купала»: *«Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи...»* [2, с. 46].

Следующий уровень классификации – по характеру организации убийства:

1. Расчет.
2. Порыв.
3. Случайность.

К первому типу можно отнести Владимира Дубровского («Дубровский»), Сальери («Моцарт и Сальери»), Петра Степановича («Бесы»), Родиона Раскольникова («Преступление и наказание»), Тараса Бульбу («Тарас Бульба»),

Евгения Онегина («Евгений Онегин») и Григория Печорина («Герой нашего времени»).

Ко второму типу мы причислили Пьера Безухова («Война и мир»), Липутина («Бесы»), Позднышева («Крейцера соната»), Арбенина («Маскарад») и Петро («Вечер накануне Ивана Купала»), Ивана Флягина («Очарованный странник»).

К третьему типу можно отнести опять же роман «Преступление и наказание», а именно убийство сестры старухи-процентщицы, Лизаветы Ивановны, которое не было запланировано героем и вышло, скорее, по необходимости, по стечению обстоятельств, по случайности: *«Страх охватывал его все больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства»* [4, с. 89].

Еще один уровень классификации – по результату убийства, где подразумеваются следующие виды:

1. Совершенное.
2. Несовершенное (отсутствие факта убийства).

С юридической точки зрения, несовершенное убийство преступлением быть не может. Но мы включаем этот пункт в нашу классификацию, и, более того, рассматривали произведения с несовершенным убийством с целью изучить процесс зарождения мысли и задумки об этом деструктивном деянии, даже если оно не было в итоге совершено. Такой подход позволяет раскрыть мотив убийства с разных сторон и на разных этапах, от идеи до исполнения.

К первому пункту можно отнести убийства из произведений «Моцарт и Сальери», «Бесы», «Крейцера соната», «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Маскарад», «Тарас Бульба», «Вечер накануне Ивана Купала», «Преступление и наказание», «Очарованный странник». Преступление совершено, герои достигли своей цели. Эти же произведения войдут в классификацию мотива покаяния.

Ко второму пункту мы причисляем попытки убийства в романах «Дубровский» и «Война и мир». Персонажи проводили подготовку к убийству, но само деяние так и не было совершено по тем или иным причинам.

Важно понимать, что, в ряде случаев, убийство может содержать в себе целый ряд взаимосвязанных мотивов, причисленных к вышеуказанным категориям. Для того чтобы классификацию можно было произвести более однозначно для осуществления систематизации и анализа, мы выделяем доминирующие признаки и мотивы преступного умысла в рассматриваемых художественных текстах и используем их как основной признак классификации. Как можно заметить, некоторые произведения могут упоминаться на одном уровне классификации несколько раз, иными словами, причислены к разным видам данного уровня. Это значит, что доминирующих признаков или элементы одного из признаков настолько ярко выражены, что для полноты анализа нельзя их проигнорировать.

Оперируя созданной системой и классификационными критериями, приступим к следующему шагу и произведём анализ произведений. В рамках настоящей статьи доступен анализ не всего упомянутого материала, но отобраны самые интересные, на наш взгляд, для разбора тексты.

В романе «Война и мир» Л.Н. Толстого мы рассматриваем попытку Пьера Безухова убить Наполеона, которая является покушением не только на жизнь человека, но и на правителя, то есть носит политический характер. Факта убийства не произошло, оно осталось несовершенным, но это не препятствует анализу данного эпизода в рамках остальных уровней классификации.

Политически-патриотические мотивы Пьера, побудившие его к попытке покушения на императора Франции, отчетливо видны в следующих строках: *«Он должен был, скрывая свое имя, остаться в Москве, встретить Наполеона и убить его с тем, чтобы или погибнуть, или прекратить несчастье всей Европы, происходившее, по мнению Пьера, от одного Наполеона»* [18, с. 353]. Стремление Пьера оказалось наивным и идеализированным, но политическую основу его замысла отрицать невозможно.

Психологическое и эмоциональное состояние героя дает нам богатый и интересный материал для анализа, так как сложно дать однозначную оценку психологическому портрету Пьера в рассматриваемом эпизоде. Как видно из текста, Безухов пребывал в эмоциональном напряжении еще до появления идеи покушения, он был крайне задумчив и неразговорчив, мысли были направлены преимущественно внутрь себя. В романе говорится даже о том, что *«Пьер находился после двух последних, уединенно и необычайно проведенных дней в состоянии, близком к безумию»* [18, с. 351]. Действительно, уединенный образ жизни способен помутить рассудок, особенно такого впечатлительного и мыслящего персонажа, как Пьер Безухов. Однако мы не причисляем помешательство к доминирующему признаку в психологическом портрете героя, а в предложенной классификации можем придать его психологическому состоянию лишь оттенок помешательства. Стремление Пьера к покушению, на наш взгляд, вызвано не безумием, а его личными переживаниями, которые копились в нем на протяжении предшествующих событий. Безухов – персонаж тонко чувствующий, мыслящий, наивный, и его действия могут казаться абсурдными, хотя для него самого они могут быть более чем понятны. В рассматриваемом эпизоде много говорится о его чувствах во время подготовки к убийству, что говорит о богатом эмоциональном внутреннем мире героя: *«Два одинаково сильные чувства неотразимо привлекали Пьера к его намерению. Первое было чувство потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья... другое – было то неопределенное, исключительно русское чувство презрения ко всему условному, искусственному, человеческому, ко всему тому, что считается большинством людей высшим благом мира»* [18, с. 353]. Проявляется особая чувствительность Пьера к общественному мнению, и эта его особенность также подталкивает его к его замыслу: *«И его бегство из дома, и его кафтан, и пистолет, и его заявление Ростовым, что он остается в Москве, – все потеряло бы не только смысл, но все это было бы презренно и смешно (к чему Пьер был чувствителен), ежели бы он после всего этого, так же как и другие, уехал из Москвы»* [18, с. 353].

В целом, автор дает довольно четкое эмоциональное описание Пьера во время подготовки к покушению: *«Физическое состояние Пьера, как и всегда это бывает, совпадало с нравственным»* [18, с. 354]. Продолжая эту мысль, можем сказать, что нравственное состояние совпадало с физическим. А в физическом плане Пьер лишил себя комфортного образа жизни, и *«все это поддерживало Пьера в состоянии раздражения, близком к помешательству»* [18, с. 355]. Как мы видим, нерешительность и сумбурность решений присутствовала еще до непосредственного выхода на дело. Чем ближе, по предположениям Пьера, он продвигался к достижению цели, тем больше нарастало его волнение: *«он мучился страхом того, что он ослабеет в решительную минуту и, вследствие того, потеряет уважение к себе»* [18, с. 383]. Неуверенность и сомнения без труда читаются в тексте при описании поведения Безухова. Итак, мы убедились в правильности нашего выбора при отнесении психологического состояния Безухова к виду волнения, сомнения.

Замысел убийства вражеского императора возник у Пьера случайно, что видно из текста: *«Когда Герасим разбудил его от его задумчивости, Пьеру пришла мысль о том, что он примет участие в предполагаемой – как он знал – народной защите Москвы»* [9, с. 352]. Данная мысль утвердилась тогда, когда Пьер с помощью масонских записей обнаружил якобы то, что ему судьбой *«предназначено положить предел власти зверя»* [9, с. 352]. Однако даже тогда она носила характер нерешительный, ведь эта идея *«приходила ему еще только как одно из мечтаний, которые беспричинно и бесследно пробегают в воображении»* [18, с. 352]. Решение было порывистым, герой не готовился к своему делу, не продумал деталей, поэтому в данном случае мы не можем говорить даже об элементах расчетливости. Пьер руководствовался одним желанием стать героем, то есть результатом, однако совершенно не задумывался о том, какими средствами к этому результату прийти: *«Пьер в своих мечтаниях не представлял себе живо ни самого процесса нанесения удара, ни смерти Наполеона, но с необыкновенною яркостью и с грустным наслаждением представлял себе свою погибель и свое геройское мужество»*

[18, с. 354]. Не были продуманы даже элементарные моменты: *«Оправив на себе платье, Пьер взял в руки пистолет и собирался уже идти. Но тут ему в первый раз пришла мысль о том, каким образом, не в руке же, по улице нести ему это оружие»* [18, с. 382], *«Коме того, пистолет был разряжен, а Пьер не успел зарядить его»* [18, с. 382]. В плане Пьера не было никакой практической составляющей, начиная с того, что совершить покушение он рассчитывал на том месте, которое определил *«в воображении своем»* [18, с. 382], не зная точно, где император будет находиться на самом деле, и, заканчивая тем, что герой просто проспал появление Наполеона и даже не потрудился уточнить заранее, в какое время можно будет подобраться к французскому правителю. Единственная информация, которой обладал герой, это подробности покушения немецкого студента на жизнь Бонапарта в Вене в 1809 году, но эти данные, как можно видеть, не помогли Пьеру в его преступном замысле. Таким образом, организация убийства в случае Пьера имела характер порыва.

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» рассматривается эпизод с убийством Родионом Раскольниковым старухи-процентщицы. По цели это убийство мы посчитали идеологическим с элементами социального. Психологическое состояние героя перед совершением преступления – помешательство. По характеру организации убийства это был расчет в случае с Аленой Ивановной и случайность в случае с Лизаветой Ивановной.

Из текста романа известна теория, которой придерживается Раскольников и о которой он пишет статью. Эта идея, по факту, явилась основой романа. Суть этой теории и, в частности, философской позиции героя, состоит в том, что всё человеческое общество можно поделить на высших и низших, на полезных и бесполезных. Сам Раскольников передает смысл своей статьи следующим образом: *«...Люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово»* [4, с. 278]. Этой

идеей молодой человек оправдывает свое деяние. Он причисляет старуху к разряду «низших», себя же относит к «собственно людям». Раскольников видит себя особенным, уникальным, и убийство – проверка самого себя на принадлежность к «право имеющим». Таким образом, влияние идеи на преступный замысел отрицать невозможно. В нашей классификации убийство Раскольникова имеет цель идеологическую, но в ней присутствует социальный аспект. Как видно из художественного текста, герой живет в бедности и в старухе видит не только представителя «низшего» разряда, но и угнетателя, одну из причин его бедности. Нищенское существование Раскольникова очевидно: маленькая комната, почти каморка, поношенная одежда, нездоровый вид, голод: *«Поневоле станешь бледный... коли есть нечего»* [4, с. 85]. Раскольников собирается не только убить старуху, но и обокрасть ее, чтобы улучшить свое материальное положение. В этом социальные причины его поступка.

Психологическое и эмоциональное состояние героя заслуживает отдельного разговора, так как Ф.М. Достоевский – известный мастер психологизма, и роман «Преступление и наказание» – яркий этому пример. Но мы постараемся проанализировать поведение Раскольникова непосредственно во время организации преступления.

Мы знакомимся с главным героем уже в первой главе романа. И сразу же становится очевидным беспокойное состояние молодого человека, более того, заметны признаки психического расстройства и эмоционального напряжения: *«...С некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой»* [4, с. 5]. Раскольников уже вынашивал план убийства старухи-процентщицы. Сложно сказать, что было причиной, а что следствием: стало ли его помешательство причиной возникновения преступного замысла или же идея убийства привела к этому помешательству, однако нездоровое состояние рассудка студента отрицать невозможно. Автор говорит нам о том, что

Раскольников был довольно красив, хорошо образован, но *«скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытие...»*, *«изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам, в которой он сейчас сам себе признался. В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб»* [4, с. 6]. Такие перемены в поведении – явные признаки помешательства, вызванные, скорее всего, безденежьем, голодом и депрессией.

Еще одно подтверждение психологическому напряжению Раскольникова можно найти в черновиках Ф.М. Достоевского, где роман имел еще форму исповеди главного героя. В этих черновиках можно найти такие слова Раскольникова: *«Дней за пять до этого дня, я ходил, как сумасшедший. Никогда не скажу, что я был тогда и в самом деле сумасшедшим, и не хочу себя этой ложью оправдывать... Я был в полном уме... До того доходило, что даже в забытие в какое-то впадал... Все, все поглощалось моим проектом... А меня только тянуло (даже) как-то механически тянуло поскорее все исполнить и порешить»* [12, с. 356]. Очевидны признаки мании и понятно, что Раскольников ошибается, говоря о том, что был «в полном уме». Таким образом, состояние Раскольникова во время подготовки к убийству действительно можно назвать помешательством или безумием.

Примечательно то, что Раскольников осознает ужас своего поступка: *«На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!...»* [4, с. 12], однако он не смог отказаться от своего замысла, ведь она стала навязчивой идеей.

Несмотря на свое психологически напряженное состояние, Раскольников максимально расчетлив в своем замысле. Герой долго обдумывал свое «дело», готовился к нему, обращал внимание на детали. Его обеспокоенность организацией преступления можно заметить в эпизоде, когда герой замечает, что его шляпа слишком узнаваема: *«Мелочи, мелочи главное!... Вот эти-то мелочи и губят всегда и всё...»* [4, с. 8]. Отсюда же видно, что персонаж не смог предусмотреть абсолютно всё – скорее всего, из-за его нездорового состояния.

Но поведение его говорит о том, что он стремился всё рассчитать, поэтому в данном случае характер организации убийства мы обозначаем как расчет.

Расчет присутствует еще и в том смысле, что Раскольников понимает, для чего ему это убийство, он четко осознает ее цель. Помимо желания проверить свою теорию, подтвердить, что он относится к «собственно людям», герой хочет поправить свое материальное положение, обокрав старуху. А деньги ему нужны не столько для себя, сколько для своей семьи. Герой осознанно берет на себя страшный грех, чтобы помочь близким. *«Возлюби! Да разве я не люблю, коль такой ужас решился взять на себя?»* [12, с. 359] – эти слова Раскольникова можно найти в черновиках писателя, и в них раскрывается феномен убийства из любви. По словам русского литературоведа К.В. Мочульского, Раскольников – это демон, воплотившийся в гуманиста [12, с. 359]. Впоследствии автор отказывается от этой концепции, отдавая приоритет «идеи Наполеона», но гуманистическое начало в поступках Раскольникова все же сохраняется. Формула убийства во благо сложна для анализа и часто субъективна, поэтому мы не стали включать ее в нашу классификацию.

В повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» мы берем для разборов эпизод с убийством цыганки Груши главным героем Флягиным. По цели – это убийство управляемое, так как главный герой совершает его не по своей воле, он не имеет никаких выгод от этого. Он выполняет просьбу цыганки: *«Если я еще день проживу, я и его и ее порешу, а если их пожалею, себя решу, то навек убью свою душеньку... Пожалей меня, родной мой, мой миленький брат; ударь меня раз ножом против сердца»* [9, с. 145].

Эта просьба вызывает у Флягина естественное недоумение, он противится этой идее: *«Я от нее в сторону да крещу ее, а сам пячуся»* [9, с. 145]. Даже когда Груша убедила его, он подходит к деянию с огромным волнением: *«Я весь задрожал, и велел ей молиться...»* [9, с. 146]. Далее мы относим этот эпизод к порыву по характеру организации убийства. Просьба цыганки застала Флягина врасплох, поэтому он не имел никакой возможности подготовиться к этому событию. И это определенно не состояние аффекта, так

как герой прекрасно все осознавал и не был ослеплен гневом на цыганку. Он выполнял ее просьбу, причем не смог сделать так, как она просила – заколоть ее ножом. Не сумев ее ранить своей рукой, он решил сбросить ее с обрыва: «...колоть ее на стал, а взял да так с крутизны в реку и стихнул...» [9, с. 146]. Возможно, Флягин нашел этот способ более гуманным или просто не мог заставить себя пролить кровь Груши, которой симпатизировал.

Убийство является завершенным, так как Груша погибает: «*Она утонула?... – Залилась, – отвечал Иван Северьяныч*» [9, с. 146]. Отметим, что одним из решающих аргументов Груши становится возможность очиститься от греха и уберечь от греха ее: «*Ты, – говорит, – поживешь, ты Богу отмолишь и за мою душу и за свою, не погуби же меня, чтобы я на себя руку подняла...*» [9, с. 145]. Впоследствии Флягин действительно достигает очищения от своего греха и избавления от чувства вины.

Итак, мы проанализировали выбранные нами в качестве исследовательского художественного материала произведения в рамках предложенных уровней классификации и доказали принадлежность каждого из них к тому или иному пункту всех вариантов классификаций. Подробному анализу подверглись романы Л.Н. Толстого «Война и мир», Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник». В качестве примеров при разработке системы классификации были использованы материалы художественных текстов отечественных писателей XIX века: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, Н.С. Лескова. В классификации мотива убийства были выделены четыре уровня: по цели, по психологическому состоянию героя, по характеру подготовки к убийству и по результату.

Разработанная система анализа мотива убийства содержит широкие и общие категории характеристик, поэтому является универсальной, что позволяет использовать её для любого жанра или направления литературного произведения. Для анализа в исследовании использовались произведения русской классической литературы XIX века как основное подспорье для

развития психологизма в отечественной литературе. В работе задействованы прозаические, лиро-эпические, лиро-драматические и драматические произведения: романы, повести, поэмы, драмы. При этом мы не задействовали собственно лирические произведения, так как в лирике, как правило, основной акцент делается на характер субъективных переживаний, а нам были важны не только чувства и эмоции, но и сюжет. Впрочем, при необходимости разработанную нами систему классификации можно использовать и на материале лирических произведений, а также зарубежных литературных произведений любого жанра.

Перспектива настоящего исследования заключается в возможности анализа данного мотива в комплексе с мотивами исповеди, покаяния, преобразования человеческой души, актуальными для литературы XIX – XXI веков. Ранее подобные попытки предпринимались в трудах Е.А. Гаричевой [1], И.С. Леонова [5; 6], Н.Г. Михайловой [11], С.С. Патрикеева [14].

Список литературы:

1. Гаричева Е.А. Категория религиозного преобразования личности в русской словесности второй половины XIX века // Аксиологические категории национальной культурной традиции в русской словесности: Материалы Международного научного семинара. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 48-55.
2. Гоголь Н.В. Избранные произведения в 2-х томах. / Под общ. ред. Н.Н. Петрушевской. Киев: Дніпро, 1979. Т. 1. 414 с.
3. Достоевский Ф.М. Бесы: роман в трех частях / Под общ. ред. А.И. Белинского. Л.: Лениздат, 1990. 639 с.
4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом / Под общ. ред. Г. Безотосной. М.: Эксмо, 2011. 592 с.
5. Леонов И.С. Особенности изображения таинства исповеди в современной православной художественной литературе [Электронный ресурс]

// *Studia Humanitatis*. 2015. № 2. URL: <http://st-hum.ru/node/270> (дата обращения: 02.09.19).

6. Леонов И.С. Пастырь и паства в российской приходской прозе XXI века: специфика взаимодействия // *Известия Смоленского государственного университета*. 2017. № 2 (38). С. 42-50.

7. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. / Под общ. ред. А. Саакянца. М.: Художественная литература, 1965. Т. 3. 566 с.

8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. / Под общ. ред. Е. Жезловой и Ч. Залиловой. М.: Художественная литература, 1965. Т. 4. 518 с.

9. Лесков Н.С. Повести и рассказы / Под общ. ред. И.А. Богдановой. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. 295 с.

10. Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. 4-е изд. / Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ, 2008. 672 с.

11. Михайлова Н.Г. Молчание и слово (таинство покаяния и литературная исповедь) // *Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова*. / Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26-27 мая 1997 г.). СПб.: Изд-во Института Человека РАН (СПб. Отделение), 1997. С. 9-13

12. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. / К.В. Мочульский. М.: Республика, 1995. 607 с.

13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1997. 944 с.

14. Патрикеев С.С. Исповедь в поэтике русской прозы первой трети XX в. (проблемы жанровой эволюции): дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – русская литература. Коломна, 1999. 181 с.

15. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х томах. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения / под общ. ред. И. Париной, С. Чулкова. М.: Художественная литература, 1985. 527 с.

16. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х томах. Т. 3. Проза / Под общ. ред. И. Париной, С. Чулкова. М.: Художественная литература, 1986. 527 с.

17. Тимофеев Л.И. Словарь литературоведческих терминов / Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

18. Толстой Л.Н. Война и мир: роман в 4 т. / Под общ. ред. Н. Розман. М.: Эксмо, 2011. Т. III-IV. 736 с.

19. Толстой Л.Н. Избранное / Под общ. ред. Л.А. Плотниковой. Л.: Лениздат, 1979. 752 с.

Сведения об авторе:

Тарасова Дарья Викторовна – магистрант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва, Россия).

Data about the author:

Tarasova Daria Viktorovna – master's degree student of Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia).

E-mail: dv.tarass@gmail.com.